

5. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.; Екатеринбург, 2004. С. 203–254; *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Филологический анализ текста: практикум. М.; Екатеринбург, 2003. С. 234–235.

**Emotive space in Russian Christmas stories
(exemplified in a short story «Zver» ('The Beast') by N. Leskov)**

The article is concerned with the analysis of emotive space in Russian Christmas stories. We demonstrate the unique feature of this genre in the oppositional principle of organisation of semantic space where the main part is taken by the oppositional emotive meanings. The natural (naïve) point of view gives a special tone to the Christmas stories: the events are pictured through the child's point of view. The center of narration is the story about the Christmas miracle that is primarily connected with the idea of sinful soul metamorphosis.

The article includes the analysis of emotive space in a short story «Zver» ('The Beast') by N. Leskov. We assert that poly-tonality of this work is the result of interaction of different emotive meanings that group around two semantic dominants «horror» and «love». The analysis revealed main linguistic means to depict emotions (lexical, syntax, and textual); it presented phrasal emotive meaning and fragmented meanings represented in different compositional forms of speech. We also determine functional textual types of emotive meanings (interpretational-characterological and figural-gestural).

In conclusion we prove that interaction of emotive meanings play an important role in the plot of a story – by the end of the story the atmosphere of horror, severity and inevitability of punishment transform into atmosphere of kindness and love, and the cruel beast landowner change into a kind and good Samaritan. Semantic space of the story is not constant. During narration there is a change in semantic dominants – from horror and terror in the beginning to love and kindness in the end.

Keywords: Christmas story, emotive space, linguistic means to depict emotions, emotive meanings

© М. В. Дюзенли
УрФУ, г. Екатеринбург

**Метафорические представления о внебрачной связи
в русской и турецкой языковых картинах мира**

В статье рассмотрены особенности метафорической концептуализации внебрачной связи на материале русского и турецкого электронных текстовых корпусов, имеющих в своем составе тексты различных стилей и жанров, написанные в период с 1900 по 2000 годы. Метафорические контексты отобраны и проанализированы согласно когнитивной теории метафоры. Проведенный анализ коннотаций метафорических словоупотреблений дает представление о соотношении нормы и антинормы в русской и турецкой языковых картинах мира по отношению к рассматриваемому феномену и подтверждает особую значимость для турецкой культуры категории чести. Рассмотрены как индивидуально-авторские метафоры деви-

антного поведения супругов, так и традиционные образы-символы (зооморфные, пространственные, криминальные, сказочные и др.), обладающие неоднозначными коннотациями. Данные русского текстового корпуса позволили просчитать гендерное соотношение в метафорическом представлении неверного супруга. Отдельное внимание уделяется понятию гражданского брака как одному из проявлений внебрачной связи до официального заключения брака или без него. Отмечается отсутствие этого понятия в турецком корпусе, а также общая тенденция его употребления в русском корпусе, которая позволяет считать его синонимом обычного брака или подготовительным этапом к нему.

Ключевые слова: языковая картина мира, концептуализация, когнитивная лингвистика, внебрачная связь, метафора, метафорическая модель, электронный корпус текстов, коннотация, лексема.

В русской языковой картине мира семья традиционно репрезентируется как комплекс явлений нормы и антинормы [1]. Антинорма представляется такой же равноценной составляющей картины мира, как и норма, являясь неустранимым элементом бинарной оппозиции [2]. В литературе представлен богатый список нашедших языковое выражение различных аномалий в семейных взаимоотношениях, которые выражаются в таких денотативных ситуациях, как супружеская измена, развод, гомосексуальный брак, добрые сексуальные отношения, неравный брак, вдовство, женитьба на вдове/замужество за вдовцом, холостяк, старая дева, ребенок вне брака, ненадлежащее выполнение семейных обязанностей, насилие в семье, пьянство и др. [3, 4]. Однако далеко не все из них получают метафорическое освещение в исследуемом материале. В качестве последнего использованы различные в стилистическом и жанровом отношении тексты, написанные в период с 1990 по 2000 гг. и входящие в состав двух электронных корпусов: пользовательский подкорпус на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и корпус турецких текстов, созданный в Техническом университете Среднего Востока — Middle East Technical University г. Анкары (METU Turkish corpus). Оба источника имеют приблизительное соответствие параметров репрезентативности и метафоричности, что делает межъязыковые сопоставления на данном материале возможными и правомерными.

Внебрачная связь как супружеская измена (адюльтер) традиционно воспринималась российским обществом как отрицательное, девиантное поведение [5]. В русском корпусе эта тема получает очень обширное метафорическое освещение. Найденные контексты

через разнообразные метафорические образы выражают осуждение супружеской измены с морально-нравственной позиции:

<...> *внебрачные связи подрывают семью* <...> [В. Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО]; *Едва распустившись бутон любви уже пахнет смрадом измены, сочится ядом ревности* [Н. Дежнев. В концертном исполнении]; *Когда изменяет мужчина — это плевок из семьи, когда изменила жена — это плевок в семью* [В. Шахиджанян, 1001 вопрос про ЭТО] и др.

Аморальное поведение субъекта, имеющего внебрачные связи, сближается с поведением животного, поскольку «образ аморального человека с зоопрототипом в его основе является в высокой степени системным образованием» [6]. Отсюда наличие в корпусе метафорических образов на основе терминов, обозначающих самку и самца у собак: *сучка/кобель*. Ср.:

Его супруга наконец заметила маневры муженька — и презрительно сощурилась... Не может удержаться, кобелина: на глазах жены девочку снимает! [Т. Моспан. Подиум]; *Гадалка сказала, что муж вернется к ноябрю, он и вернулся, — не о нем, кобелине, речь* [Д. Рубина. На солнечной стороне улицы]; *А твой холерный кобель лишь о том и думает, как на чужую бабу залезть* [Т. Моспан. Подиум]; *Я ведь на тебе чуть было не женился тогда, после Барвихи. А ты, сука, на немца перепрыгнула* [И. Муравьева. Мещанин во дворянстве] и др.

Метонимически производный вариант воплощения образа, характеризующего жену в том же аспекте супружеской измены, представлен в следующем контексте:

Чтоб как-то к женщине подмазаться, узнать о тайных замыслах ее, мы сделали упор на Крупскую, вслед за лайкой запустили ее в космос, подсадили на бульдозер, дали равных денег, равных прав на брачную измену — адюльтеры диким лаем пронзили наши дома до каждой панели! [И. Мартынов. Разводящая].

В корпусе имеется также гендерно ориентированная зооморфная метафора *олень*, денотативно соотносящаяся с обманутым женой мужем. Этот образ (а также *рога* как его неотъемлемая часть) многократно обыгрывается в различных юмористических жанрах. Ср.:

Жена: — Я подаю на развод! Муж: — Обоими рогами — за! [Коллекция анекдотов: развод]; *Да вы только женитесь — и у вас будут рога больше, чем у оленя!* [А. Хайт. Монологи, миниатюры, воспоминания]; *Жена наставила мужу рога. Узнав об этом, он откинул копыта* [Коллекция анекдотов: семья]; *Доктор, я так волнуюсь, мне жена изменяет, а рога почему-то не растут* [Коллекция анекдотов: врачи]; *Пора домой, жена на измене, Олень Делон!* [С. Осипов. Страсти по Фоме].

В последнем контексте можно отметить языковую игру, основанную на созвучии лексемы *олень* с именем французского киноактера. В целом все зооморфные образы способствуют восприятию

супружеской измены как животного, неограниченного культурными рамками поведения.

В отдельную группу выделяются метафоры, условно обозначаемые нами как пространственные: измена в найденных контекстах ассоциирована с передвижением в пространстве — прогулкой, путешествием, военным или туристическим походом, т. е. освоением нового, вне-семейного пространства (*гулять, гулять на сторону, матримониальные походы, брачная вылазка, походы налево от супружеской кровати, ходить налево*). К примеру, ярким образом, концептуализирующим измену, является путешествие в космос:

Женитьба сына, хирургическое вмешательство, замужество дочери, смерть мамы, взбрык мужа, ошеломленного возникшими мужскими проблемами, и поиск выхода в «открытом космосе». Комета, с которой он столкнулся, была молода и слонява, что было видно только со стороны. Вблизи эти слюны были ему медовыми устами [Г. Щербакова. Lovestория].

Все вышеприведенные выражения передают смысл «временное, периодическое отсутствие с целью отдыха, смены обстановки, развлечения, и т. п.», иными словами, метафоры перемещения в пространстве не предполагают окончательного ухода из семьи, подразумевается такое же периодическое возвращение. Эту мысль хорошо иллюстрирует нижеприведенный контекст, где дополнительно присутствует метафора многоженства для характеристики поведения неверного мужа, имеющего многочисленных любовниц:

Одну из жен Корнелия можно было бы назвать базовой. Именно от нее он отправлялся в свои матримониальные походы и к ней, как правило, возвращался. В базовом лагере он некоторое время отдыхал, понемногу приводил в порядок снаряжение и амуницию — и снова вступал на опасную, но увлекательную тропу. Во время кратких передышек он успокаивал по телефону очередную покинутую жену, говоря, что живет с базовой «все равно как с соседкой» [М. Палей. Кабирия с Обводного канала].

Особого внимания заслуживает метафора *ходить налево*, которая придает супружеской измене отрицательные коннотации в связи с закрепленностью в русском языковом сознании бинарного противопоставления «правый ↔ левый» как отражения центральной нравственной антиномии «добро ↔ зло» [7; 8]. Интересно, что в корпусе данная метафора гендерно окрашена, т. к. употребляется для указания на измену мужа, а не жены. Некоторые исследователи связывают это с тем, что у левой стороны есть и традиционная феминная символика [9]. Все метафоры пространственного переме-

щения концептуализируют измену как движение вовне, за рамки установленной браком системы сексуальной жизни.

Интересен также образ любовницы. С одной стороны, он негативно окрашен, опять же с морально-нравственных позиций: это женщина, разрушающая семью, посягающая на то, что ей не принадлежит:

*Мама, а кто такая любовница? — А это **воровка** [Коллекция анекдотов]; ...любая любовница — **пиратский флаг** <...> [Б. Васильев. Дом, который построил дед].*

С другой стороны, концептуально важным метафорическим смыслом является внешняя красота любовницы, передаваемая через образы иноземной красавицы — Снежной Королевы, шамаханской царицы, Сольвейг и др. — источником метафоризации служат женские персонажи зарубежных сказок. Ср.:

*Мама сказала, что папу **поцеловала Снежная королева**, и сердце его замерзло. Она отвезла меня к тете Лене и поехала папу **отмораживать**. Через десять дней они вернулись. Папа был какой-то вялый, неразговорчивый. Мама сказала, что он еще не совсем **оттаял**... [М. Шварц. Старый диван]; *Если жена легкомысленна, то муж непременно начнет шарить глазами по сторонам в поисках **сольвейг** [В. Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО]; *Но сначала папа твой отплыл на утлой лодочке с **нешамаханской царицей**, потом я хрустнула костями и пошла искать того, кто станет всем [Г. Щербак. Моление о Еве].***

Любовница может быть воплощена и в образе русской красавицы, как, например, в следующем полиметафоричном контексте, в котором внебрачная связь и семейные взаимоотношения органично сплелись на фоне русской народной сказки:

*А как живешь? — **Как в сказке!** Дома теща — **Баба Яга**, жена — **ведьма**, соседка — **Василиса Прекрасная**, а ее муж — **Иванушка-дурачок** [Коллекция анекдотов].*

Можно отметить, что, по данным русского корпуса, при сохранении общего восприятия внебрачной связи как девиантного поведения, феномен супружеской измены одновременно предстает как нечто стихийное, природное, нерациональное. Ср.:

*Брак **бурный**, с многочисленными изменами с обеих сторон... [Ю. Безелянский. В садах любви]; *Увы, безответственность в любых отношениях, вплоть до брачных, и **стихия измены** — это все от поисков своего, от самости [З. Масленикова. Жизнь отца Александра Меня]; *семейные узы несколько не мешали ему успешно продолжать свою любовно-вулканическую деятельность [Ю. Безелянский. В садах любви]; *Она легко и просто изменяет своему мужу <...> *Она живет одной жизнью с **природой**, как **здоровое и красивое животное**, не знающее о существовании моральных норм, равнодушно ко всему, что выходит за пределы его естественных потребностей [Ф. Раскольников. Статьи о русской литературе] и др.*****

Гендерное соотношение при метафорической концептуализации рассматриваемого феномена примерно одинаковое (неверный муж 48 %, неверная жена 52 %).

В турецком корпусе найдено только два метафорических контекста, имеющих отношение к супружеской измене. Оба контекста представляют измену как крайне аномальную ситуацию: первый через метафору болезни (*gecelik ilişkilerin agorafobisi* (досл. «агорафобия ночных связей»), второй через образ яда:

<...> *bir insanın bir gün küçük miktarlarda aldığı bir zehire alışması gibi karısının diğer erkeklerin ilgisini çekmesine, onlarla kışkırtıcı konuşmalar yapmasına ağır ağır alışmıştı. (Он потихоньку привык к тому, что его жена обращает на себя внимание других мужчин и ведет с ними провоцирующие разговоры, подобно тому как **привыкают к яду**, полученному однажды человеком **в маленьких количествах**)* [A. Altan. Kılıç Yarası gibi].

При внимательном прочтении можно заметить, что в последнем контексте речь не идет о сексуальной внебрачной связи, а только о несколько «вольном» поведении жены с другими мужчинами. Однако аксиологические границы нормы и аномалии в турецкой и русской культуре не совпадают. Это становится понятным, если рассмотреть категорию *namus* (досл. «честь»), являющуюся одним из важнейших понятий турецкой аграрно-патриархальной системы ценностей [10]. Согласно этой категории, любой мужчина, кроме мужа (в том числе даже родственник) представляет угрозу для супружеской чести жены, и, соответственно, мужа. Как пишет исследователь, *namus* — это «неизменная величина, получаемая один раз, она дает человеку уважение и признание в обществе. Потеря ее непоправима» [Там же]. Женская честь материально воплощена в сексуальной непорочности, честь турецкого мужчины заключается в чести женщин (жены, сестер, дочерей), принадлежащих его семье [10; 11]. Согласно традиционным нормам аграрно-патриархальной морали, самозащита чести девушки, а особенно замужней женщины, заключается в сокрытии от других ее привлекательности (чадра, платок, скромная одежда), а также в сдержанном поведении по отношению к представителям противоположного пола — сопровождение при выходе из дома, избегание ситуаций, в которых она может остаться наедине с мужчиной [12]. Незаконная внебрачная половая связь (*zina*) вообще была недопустима, расценивалась как крупнейший грех и считалась поводом для кровной мести и убийств [13]. Греховность измены связывается также с тем, что

брак в исламской культуре считается богоугодным делом, «правильный» брак (в соответствии с нормами морали) приравнивается к служению Аллаху [14; 15]. Конечно, следует учитывать ярко выраженную тенденцию к «европеизации турецкой культуры», наблюдаемую на протяжении последних десятилетий в образе жизни нерелигиозно настроенной части турецкого общества (проживающей главным образом в крупных городах), в связи с которой, в частности, влияние понятия *patnis* на жизнь людей значительной ослабевает [16; 17]. Таким образом, отсутствие метафорической концептуализации супружеской измены в турецких контекстах отчасти можно объяснить нормами традиционной патриархальной морали, отчасти канонами ислама, и наконец, хронологической и содержательной «бедностью» исследуемого корпуса турецких текстов.

В заключение отметим, что в русской культуре возможна внебрачная связь до официального заключения брака и даже без него. Речь идет о появившемся в советское время понятии «гражданский брак». Общая тенденция его употребления в русском корпусе позволяет считать его синонимом «обычного» брака или подготовительным этапом к нему (*пробный брак*). Однако при метафоризации обнаруживаются некоторые единичные отрицательные коннотации, указывающие на восприятие данного феномена как аномалии (греха) и обусловленные влиянием на русскую культуру православной концепции брака. Ср:

<...> Светлана Владимировна, про которую ты мне говорил, *сожительство в грехе* с Лористоновым. Это называется, кажется, гражданским браком. Или у нас все браки гражданские? [Н. Леонов, А. Макеев. Эхо дефолта]; <...> я не считаю, что гражданский брак сам по себе является *блудом* [митрополит Антоний (Блум)]. Берегитесь, братья мои, священники! и др.

С. А. Кидямкина отмечает, что такие отношения, как гражданский брак, в качестве нормы в русском менталитете еще окончательно не утвердились [18]. В турецком языке и культуре (и, соответственно, турецком корпусе), как уже упоминалось выше, нет соответствия данному понятию: такая ситуация априори является аномальной и недопустимой, в соответствии с нормами мусульманской морали [19; 20; 21]. Безусловно, данный тезис не носит абсолютного характера в современных условиях западного влияния на турецкую культуру.

Примечания

1. *Кидямкина С. А.* Семiosфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20 — начала 21 вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. С. 92.
2. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике и топологии культуры. Избранные статьи: в 3 т. Таллин, 1992. Т. 1.
3. *Кидямкина С. А.* Указ. соч.
4. *Березович Е. Л.* «Соломенная вдова»: семантико-мотивационный и лингвогенетический аспект // *Theory and Empiricism in Slavonic Diachronic linguistics*. Praha, 2012. С. 277–299.
5. *Коляскина Е. А.* Внебрачные связи и отношение к ним в русской деревне Алтая во второй половине XIX — первой половине XX вв. // *Вестник Томского гос. ун-та*. 2013. № 373. С. 96–103.
6. *Орлова Н. В.* Наивная этика: лингвистические модели (на материале современного русского языка). Омск, 2005. С. 137.
7. *Голстой Н. И.* Избранные труды. Том I. Славянская лексикология и семиология. М., 1997. С. 151.
8. *Киселева И. В.* Правый и Левый в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. С. 15.
9. *Коляскина Е. А.* Указ. соч.
10. *Фернер М.* Эти поразительные турки. М., 2007.
11. *Сидорина Н. П.* Национально обусловленное в представлениях турок о семье и мире (на материале ассоциативного эксперимента) // *Русский язык за рубежом*. 2010. № 3. С. 49–54.
12. *Фернер М.* Указ. соч.
13. *Tezcan M.* Turk ailesi antropolojisi. Ankara, 2000.
14. *Сакр А. Х.* Семейные ценности в исламе. СПб., 2007.
15. *Tezcan M.* Op. cit.
16. *Напольнова Е. М.* Пространственная направленность в турецкой языковой картине мира // *Урало-алтайские исследования*. 2010. № 1 (2). С. 23–51.
17. *Фернер М.* Указ. соч.
18. *Кидямкина С. А.* Указ. соч.
19. *Napólnova Demiriz E.* Rusça ve Türkçe: iki dil, iki kültür. Istanbul, 2009.
20. *Сакр А. Х.* Ислам о браке и семейной жизни. СПб., 2006.
21. *Фернер М.* Указ. соч.

Metaphorical representation of adulterous relationship in Russian and Turkish linguistic world-image

The article focuses on the metaphorical conceptualization peculiarities of adulterous relationship on the basis of electronic Russian and Turkish text corpuses including texts of different genres and styles written during the period of 1990–2000. Metaphorical contexts are selected and analyzed according to the cognitive theory of metaphor. Analysis made into the connotations of metaphorical word usage shows a view of correlation between norm and anti-norm in Russian and Turkish linguistic world-image in reference to the phenomenon in question and confirms a particular importance of the category of honor for Turkish culture. The article examines marriage partners' deviant behaviour through individual metaphors created by the authors as well as traditional metaphorical symbols

with ambiguous connotations (zoomorphic, spatial, criminal, fabled and others). Data provided by the Russian text corpus allowed calculating the gender correlations in metaphorical representations of adulterer. A special attention is given to the concept of civil marriage as one of the manifestations of extra-marital relations before official marriage or without it. This notion is missing in the Turkish text corpus. General tendency of its utilization in Russian corpus shows that it is considered to be the synonym of normal marriage or its preparatory stage.

Keywords: linguistic world-image, conceptualization, cognitive linguistics, adulterous relationship, metaphor, metaphorical model, electronic text corpus, connotation, lexeme.

© С. С. Земичева
ТГУ, г. Томск

Песня и музыка в речи диалектной языковой личности¹

В статье анализируются обозначения пения и музыки в дискурсе носителя традиционной народно-речевой культуры, сибирской крестьянки В. П. Вершининой. Основным методом исследования выступает лингвокультурологическая реконструкция, которая опирается на анализ оценочных и рефлексивных контекстов. Выявляются ценностные оппозиции («раньше» — «теперь», «свой» — «чужой»), в которые включены обозначения пения и музыки. В текстах находят отражение и такие особенности народной музыкальной культуры, как факультативность музыки при ведущей роли пения, преобладание коллективного исполнения над сольным, непрофессионализм ее исполнителей. Диалектную языковую личность характеризуют развернутые представления о сфере пения и достаточно редуцированные — о сфере музыки. Анализ функционирования номинаций музыки и пения показывает, что центральное место в текстах информанта занимает связь музыкального и вокального искусства с досуговой деятельностью, несколько реже актуализируется их обрядовая функция. Вокальное искусство осмысливается информантом с эстетических и этических позиций. Материал демонстрирует, с одной стороны, сохранение народной певческой традиции, с другой — ее трансформацию, а в ряде случаев — и разрушение, которое в свою очередь, становится объектом рефлексии диалектной языковой личности.

Ключевые слова: диалектная языковая личность, сибирские говоры, народно-речевая культура, пение, музыка.

Статья посвящена анализу обозначений пения в идиолекте носителя сибирского старожильческого говора В. П. Вершининой (1909–2004). В качестве источника использовались 4-х томный «Полный словарь диалектной языковой личности» под ред. Е. В. Иванцовой (Томск, 2006–2012) и записи спонтанной устной

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02043).